

/ Чтоб не исчезли меж народами, / Люцифером сожжённые мосты».

Тема славянства – не эпизодическое вдохновение, но постоянный духовный родник, к которому поэт принадлежит на протяжении всей своей творческой жизни. В «Оде Киеву», написанной в дни празднования 1500-летнего юбилея древнейшего русского города, Борис Олейник особо выделил его восточнославянское значение: «Калиновая зыбка / трёх мужей, / Что разметали / полчища Батя, / Возрадуйся, / золотоглавый Киев, / Высокий щит / славянских рубежей!». Рубеж как символ предела, за которым – отказ от своего многовекового прошлого, своей культурной православно-идентичности, стал главным смыслом замечательной поэмы Бориса Олейника. «Трубят Трубёж». В ней о судьбе Украины вместе с поэтом размышляют Богдан Хмельницкий и Тарас Шевченко. О такой ли Украине они мечтали? Такою ли Украину построили «украинолюбыв ревни»? Поэт не идеализирует прошлое, но и от нынешнего состояния дел он далеко не в восторге. Вложенные в уста Шевченко слова о политических поворотах народа, звучат, как наше родовое проклятье: «Они при всех режимах – на посту, / Им всё едино, власть доить какую, / Они святыню продадут любую – / Хоть красную, хоть / жёлто-голубую...». Поэт заканчивает свою тревожную повесть об Украине призывом отбросить всё суетное и мелочное, выполоть «осот розбрата» и явить себя миру единым народом. Увы, его призыв остался не услышанным и не понятым. Украину таки загнали в те самые «мальтийские сети», о которых он упоминал.

Борис Олейник – поэт глубоко национальный. Он был патриотом, когда за патриотизм наказывали, он остался патриотом тогда, когда патриотами стали все. Он никогда не был склонен к елейности, псевдопатриотизму, бездумному восхвалению «самости». Всей своей жизнью и творчеством он приобрёл право на правду. В том числе и горькую. Это не всем нравится. Было время, когда чересчур «сознательные» организовали настоящую травлю поэта. В вину ему вменялись политические акцентации советского времени, а также и нынешняя верность идеям социальной справедливости. Определённо, эта хула была поэту неприятна, но он продолжал идти своим путём. Иногда в разговоре с близкими, касаясь наветов недругов, спокойно замечал. «Они не мне мстят. Они мстят себе за собственное криводушье и отступничество». Можно по-разному относиться к приверженности Олейника социалистической идее, но нельзя не признать благородства такой позиции. Да, её реализация в Советском Союзе не обрела лучших форм, однако вина в этом не идеи, считает поэт, а тех, кто её предал. Ему глубоко чужды так называемые коммутанты, в одночасье «забывшие» своё прошлое и гарцующие на гробах отцов и дедов. Таких оборотней поэт высмеял в ряде сатирических стихотворений: в памфлете «Марш пятой колонны», в поэмах «Сон» и «Переодевание душ», стихотворениях «Третья», «Прозренье» и других.

Бориса Олейника всегда, везде, при любых обстоятельствах отличало какое-то эпическое спокойствие. Он был начисто лишён услужливой суетливости, чем грешили и грешат многие его собратья по перу. Кажется, ему с самых первых шагов по этой земле был известен истинный смысл собственного прихода в этот мир. Может быть, поэтому он со спокойным достоинством и совершил предначертанную ему земную миссию. Когда-то на Шевченковских празднествах в Запорожье, выдающийся поэт Расул Гамзатов сказал: «С Борисом Ильичем я готов идти в разведку». Нет сомнений, что к этим словам присоединятся все почитатели творчества украинского поэта. Разумеется, это уже будет не маленькая разведгруппа, но огромная армия поклонников Бориса Олейника, армия дружбы и единства.

Павел Рудяков
Пётр Толочко
Киев

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«Нынче время державных стихов...»

Битва под Москвой

Мчится в поле несметная сила.
Рвёт зубами Пегас удила.
Под Москвою спасает Россия
Золотые свои купола!
Враг не страшен могучей Сибири.
Потому что Урал с Ермаком
Приобщили к московской Псалтыри...
Вновь Москва призвала с багажом.
А багаж мой – винтовка да скатка.
И всемирная русская злость!
Не пилотка, а русская шапка,
Чтоб не выстудил злобу мороз.
Мировые заткнитесь столицы!
Насажу языкастых на гвозди!
Вы проспали войска и границы.
Что ж вам, дурни, так «сладко» спалось?
Не мешайте Европы зеваки,
Мы встаём, как леса из снегов.
Наше мужество вплавлено в танки.
Твёрдость духа – в простых мужиков.
Вспомнят внуки не поздно, не рано,
Сталинград вместе с Курской Дугой!
Не фельдмаршала Гудериана –
Вспомнят Жукова под Москвой.

Школьные качели

О, эти школьные качели,
Когда меж сосен вверх летишь.
Когда возвращаться не хотели,
Давай, за небосвод держись.

Как будто маятник вселенной
То вверх, то вниз. Канат скрипит.
Хвоинки на твоих коленях
Лежат, испытывая стыд.

А я ворочаю глазами,
То застреваю в облаках,
То в складках платья... И ногами
Раскачиваю новый мах!

Как от Летучего Голландца
Не оставляем в небе след.
А у корней лежат два ранца:
Храня в себе ученья свет...

Едем Тавридой, устал экипаж,
Крепость мелькнула ... и вскоре ...
Вот перешеек! Слева Сиваш,
Справа Азовское море.

Если до боли зажмурить глаза,
Увидишь в тени гегуэзцев –
Красноармейцу по горло вода,
Белогвардейцу – по сердцу.

Бьются товарищи и господа,
Не на кого положиться...
В колчане ржавеет морская вода,
Тихо стрела шевелится.

Мелкий ракушечник, берег пустой,
Ветер нагайкою свищет.
Многих хозяйка взяла на постой,
А не успокоятся тыщи.

Выпили водки, нажали на газ,
Тени остались в дозоре...
Справа, как раненый, стонет Сиваш,
Слева – Азовское море.

– В России стих непобедим! –
Так я сказал жене.
– Смотри, домой вернулся Крым,
Как воин на коне.

«Когда мы возвратимся в Крым», –
Я кровью написал.
Глагол не превратился в дым,
Вернулся Крым – я знал!

Но как мой стих бесил врагов,
Гундосил либерал,
Как чёрт, хотя и без рогов,
Давно рога сломал...

А Крыму что? Он снова наш,
И наш в Крыму народ!
Вновь, аки посуху, Сиваш
Русь переходит вброд.

Царское Село

Здравствуй, Царское Село!
Здравствуй, Пушкинская муза!
Грустно мне и тяжело
На развалинах Союза.

Запиваем хлеб вином
В ресторанчике напротив.
Развалили Русский Дом,
Мерзких дел наколобродив!

Но с небес Святая Русь
Осенит меня перстами.
Я за Дом наш поборюсь
Русским делом и стихами.

Потому что много лет
На своей земле я прожил!
Пушкин, бронзовый поэт,
Подсобит мне и поможет.

Нынче время державных стихов
И имперского духа.
Что насивистывал Мордка Багров
В либеральное ухо?

Словно змеи, чужие слова
Покатались клубками.
Ядовитою стала трава,
Пусть не вся, но местами.

Значит, время осталось ещё.
У последнего брода
Напоим лошадей и легко
Станем кровью народа.

Если спросят: а кто ты таков?
Врежь, не мешкая, в ухо!
Нынче время державных стихов
И имперского духа.

Городская окраина

Дома картонные, бумажные,
Труха и пакля лезут в паз,
И в основном все двухэтажные,
Все чёрно-серые анфас.
Во двориках, как у Поленова,
Поленицы горбятых дров.
Портреты Энгельса и Ленина
Взирают из сырых углов.
В чулане дедовская четверть
Початая, с живой водой...
Знать, старший сын закончил четверть,
Шумит, как месяц молодой.
За стеной, словно в пушку ядра,
Вбивают в платье девки грудь.
Поздней, у городского сада,
Ты подмигнуть им не забудь.
Тяжёлые кусты сирени
Ломают чахлый палисад.
Я здесь мёд-пиво пил со всеми,
Тому лет двадцать пять назад.
Сейчас случайно, мимоходом
К ним ненароком загляну,
Чтоб зацепить плечом ли, оком,
От нас ушедшую страну.

Собака

Собаки – хорошие люди,
Не курят и водку не пьют.
Без классика все Скалозубы.
Им вреден домашний уют.

Бывает, их топят слепыми
Хозяйки в помойном ведре.
Но волка мы травим борзыми
С ногойкой в татарском седле!

Иуду же или абрека
Мой пёс обозначит рынком.
Простор им крест на крест избеган,
А также оббеган кругом.

Во мне не замашки палачи –
Я вижу тебя в первый раз!
Взгляни на меня по-собачьи,
Чтоб знал, что меня не предашь.

Не жалеите

Не жалеите самогона –
Вам когда-нибудь налью.
Не жалеите мне патрона –
Я когда-нибудь верну!

Не жалеите мне кольчужки,
Даже если коротка.
Не жалеите мне теплушки –
Я засну у камелька.

Не жалеите, девки, ласки
Для таланта певчего!
Ведь поэт пришёл из сказки –
С него взять-то нечего...

У картины Кустодиева «Русская Венера»

Ах, эта Русская Венера!
Кустодиев, шалун каков!
Своя – не римская Минерва,
Красавица без дураков.

На восхитительное тело
Поэты смотрят, чуть дыша,
Как в полуоборот, несмело
Сияет русская душа!

Не на перине – в русской бане,
Где в пене пол и потолок.
Привычны у стакана грани,
А здесь то холм, то желобок.

Ну, кто и на земле, и выше
Её нежней и розовой?
И венки листьями колышет
И пахнет Родиной моей!

Тебя двадцать шестого года
Писал Кустодиев Борис.
Такою женщину, ей Богу,
Не сможет умыкнуть киргиз!

А может быть, меня попарить?
Собьёшь иронию и спесь.
– Поэту дева не товарищ,
Ты в шаечку мою не лезь!